

Три копеечки.

I.

стался мальчикъ сиротою. Плохо ему было жить—кормиться нечѣмъ, голодалъ онъ изо дня въ день. Пошелъ сирота къ богатому мужику и нанялся въ работники. Въ годъ за одну копеечку порядился работать.

Прошелъ годъ. Получилъ сирота копейку и пошелъ къ колодцу. Бросилъ копейку въ колодець и говоритъ:

— Коли не потонетъ, такъ возьму: значитъ, я вѣрно хозяину служилъ!

Копеечка потонула. Остался мальчикъ на другой годъ въ работникахъ у мужика. Прошелъ другой годъ.

Опять получилъ сирота копеечку и снова бросилъ ее въ колодець—копеечка потонула.

Остался сиротинка на третій годъ. Работаль-работалъ, пришло время къ расчету—хозяинъ даетъ ему рубль.

— Нѣтъ, — говоритъ сиротинка, — мнѣ твоего не надобно; давай мою копеечку.

Получилъ копеечку, бросилъ ее въ колодець, смотритъ—всѣ три копейки поверхъ воды плаваютъ; взялъ ихъ и пошелъ въ городъ. Идетъ по улицѣ и видитъ: ребяташки поймали котенка и мучаютъ его. Пожалѣлъ сирота котенка и говоритъ ребятамъ:

— Продайте мнѣ, ребятки, этого котенка.

— Купи!

— Что возьмете?

— Давай три монетки.

Отдалъ сирота деньги, взялъ котенка и пошелъ искать работы. Нанялся онъ къ купцу въ лавкѣ сидѣть. Пошла у купца торговля на диво: товару только подавай, отъ покупателей отбою нѣтъ.

Собрался купецъ за море, снарядилъ корабль, и говоритъ сиротинкѣ:

— Дай мнѣ своего котика, пусть на кораблѣ мышей ловить да меня забавляетъ.

— Ну что жъ,—говоритъ мальчикъ,—возьми.

II.

Приѣхалъ купецъ въ чужестранное государство и остановился на постояломъ дворѣ. Замѣтилъ хозяинъ постоялаго двора, что у купца денегъ много, и отвелъ ему комнату, гдѣ мышей да крысъ видимо-невидимо водилось.

«Пусть купца совсѣмъ съѣдятъ, мнѣ деньги достанутся», подумалъ хозяинъ.

Въ этомъ государствѣ про кошекъ не знали, и мыши да крысы всѣхъ крѣпко одолѣвали.

Пошелъ купецъ спать и котика съ собою взялъ. Поутру хозяинъ входитъ къ нему—купецъ живехонекъ, котика по головкѣ гладитъ, а котикъ мурлыкаетъ, пѣсенки распѣваетъ. На полу цѣлый ворохъ мышей да крысъ мертвыхъ лежитъ.

— Господинъ купецъ! продай мнѣ этого звѣрька, — говоритъ хозяинъ.

— Купи.

— А что возьмешь?

— Да недорого: на заднія лапки звѣрька поставлю, за переднія подниму, засыпъ его кругомъ золотомъ — съ меня и довольно.

Хозяинъ согласился. Купецъ отдалъ ему котика, забралъ цѣлый мѣшокъ золота и, справивши свои дѣла, поѣхалъ домой. Плыветъ купецъ по морю и думаетъ:

— Неужели все золото сиротѣ отдать? За простого котенка да столько денегъ,—жирно будетъ! Возьму-ка лучше всѣ денежки себѣ.

Только рѣшился на грѣхъ, какъ поднялась буря, да такая сильная—вотъ-вотъ корабль потонетъ.

— Ахъ, я грѣшникъ: на чужое польстился. Господи, прости меня, ни копейки не утаю!

Сталъ купецъ молитву творить—и тотчасъ вѣтеръ стихъ, море успокоилось, и приплылъ корабль благополучно къ пристани.

III.

Встрѣтилъ сирота купца и говоритъ:

— Здравствуй, хозяинъ! А гдѣ же мой котикъ?

— Продалъ,—отвѣчаетъ купецъ;—вотъ и деньги за него, бери всѣ сполна.

Сиротинка взялъ мѣшокъ съ золотомъ, распрощался съ купцомъ и пошелъ на взморье къ корабельщикамъ; сторговалъ у нихъ за свое золото цѣлый корабль ладану, свалилъ ладанъ на берегу и зажегъ во славу Божию. Пошло по всему царству благоуханіе и явился вдругъ старичокъ.

— Чего хочешь,—спрашиваетъ сиротинку:—богатства или жену добрую?

— Не знаю, старичокъ!

— Ну, такъ вотъ тебѣ мой совѣтъ; ступай въ поле, увидишь тамъ—три брата землю пашутъ; спроси у нихъ, они тебѣ скажутъ.

Пошелъ сиротинка въ поле: видитъ—мужики землю пашутъ:

— Помогай Богъ!

— Спасибо, добрый человѣкъ! Что тебѣ надо?

— Послалъ меня старичокъ, велѣлъ спросить у васъ, чего пожелать мнѣ—богатства или доброй жены?

— Спроси у большого брата,—вонъ на телѣгѣ сидитъ.

Подходитъ сиротинка къ телѣгѣ и видитъ ребенка малаго, какъ бы трехлѣтка.

«Неужели это старшій братъ!» подумалъ онъ и спрашиваетъ:

— Что повелишь мнѣ взять: богатство или добрую жену?

— Возьми добрую жену!

Сиротинка воротился къ старику:

— Велѣно,—говорить,—жену просить.

— Ну, и ладно! — сказалъ старикъ и съ глазъ пропалъ.

Сиротинка оглянулся, а возлѣ него стоитъ красавица.

— Здравствуй, добрый молодецъ, я твоя жена.

IV.

Взялись они за руки и пошли. Шли-шли, стало солнце садиться; остановились ночевать въ чистомъ полѣ. Заснуль сиротинушка крѣпкимъ сномъ, а красавица жена его крикнула громкимъ голосомъ, и на зовъ ея явилось двѣнадцать работниковъ.

— Постройте мнѣ богатыя палаты подъ золотой крышею!

Вмигъ палаты поспѣли съ зеркалами, съ картинами. Спать легли молодые въ чистомъ полѣ, а проснулись въ чудныхъ палатахъ!

Поутру воевода той страны вышелъ изъ своего терема и видитъ чудо-чудное, диво-дивное: еще вчера пустое мѣсто было, а нынче палаты стоятъ. На крыльцѣ тѣхъ палатъ стоитъ красавица, да такая, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Красавица такъ воеводѣ понравилась, что задумалъ онъ жениться на ней. А какъ узналъ, что она — жена сиротинушки, то, не долго думая, рѣшилъ погубить сироту, а жену его себѣ взять. Позвалъ онъ къ себѣ сироту и говорить ему:

— Еще вчера было тутъ мѣсто пустое, а нынче палаты стоятъ! Видно, ты колдунъ!

— Нѣтъ, воевода, — отвѣчаетъ сирота, — я не колдунъ. Все это сдѣлалось по Божіему велѣнію.

— Ну, если ты сумѣлъ за одну ночь палаты поставить, такъ построй къ завтраму отъ своихъ палатъ до моего терема мостъ—одна половица серебряная, а другая—золотая. Не выстроишь, то—мой мечъ, твоя голова съ плечъ!

Пошелъ сиротинка, заплакалъ. Встрѣчаетъ его жена у дверей:

— О чемъ плачешь?

— Какъ не плакать мнѣ: приказалъ воевода мостъ построить—одна половица золотая, другая серебряная, а не будетъ готовъ къ завтраму, хочетъ голову рубить.

— Ничего, супругъ мой, ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе!

Легъ сирота и заснулъ. Встаетъ на утро—ужъ все сдѣлано: мостъ такой, что смотри—не насмотришься!

Позвалъ воевода къ себѣ сироту и говоритъ ему:

— Хороша твоя работа! Теперь сдѣлай мнѣ за одну ночь, чтобъ по обѣ стороны моста росли яблони, на тѣхъ яблоняхъ висѣли бы спѣлыя яблочки, чтобъ по вѣточкамъ порхали бы птички райскія и распѣвали бы пѣсенки звонкія, а не будетъ готово, то—мой мечъ, твоя голова съ плечъ!

Пошелъ сирота, заплакалъ. У дверей жена стоитъ, дожидается:

— О чемъ, душа, плачешь?—спрашиваетъ.

— Какъ не плакать мнѣ: воевода велѣлъ, чтобы къ завтраму по обѣ стороны моста яблони росли, на тѣхъ яблоняхъ спѣлыя яблочки висѣли, чтобы птицы райскія порхали, пѣсни распѣвали, а не будетъ сдѣлано—хочетъ рубить голову.

— Ничего, ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе.

Наутро встаетъ сирота — ужъ все готово: яблочки зрѣютъ, птички порхаютъ, пѣсни распѣваютъ. Нарвалъ онъ яблокъ, понесъ на блюдѣ къ воеводѣ. Съѣлъ воевода одно, другое яблоко и говоритъ:

— Можно похвалить: такой сласти я еще никогда не пробовалъ! Ну, братецъ, коли ты такъ хитеръ, то сходи на тотъ свѣтъ къ моему отцу-покойнику и снеси ему поклонъ отъ меня. А не сумѣешь сходить туда, помни одно: мой мечъ—твоя голова съ плечъ!

Опять идетъ сирота домой со слезами.

— О чемъ, другъ мой, слезы льешь? — спрашиваетъ жена.

— Какъ мнѣ слезъ не лить: посылаетъ меня воевода на тотъ свѣтъ — снести поклонъ его отцу-покойнику.

— Это еще не бѣда! ступай къ нему да проси себѣ въ провожатые тѣхъ думныхъ людей, что ему злые совѣты даютъ.

Далъ ему воевода двухъ бояръ въ провожатые, а жена достала клубочекъ:

— На, — говоритъ, — возьми! куда клубочекъ покажется — туда смѣло иди.

V.

Катится клубочекъ черезъ горы, лѣса и поля и прикатился прямо къ морю. Море разступилось, дорога открылась. Ступилъ сирота со своими провожатыми разъ, другой и очутился на томъ свѣтѣ. Смотритъ, на покойномъ воеводѣ черти въ пекло дрова везутъ да погоняютъ его желѣзными прутьями.

— Стой! — закричалъ сирота. Черти подняли рогатые головы и спрашиваютъ:

— А тебѣ что здѣсь надобно?

— Да мнѣ нужно слова два перекинуть вотъ съ этимъ покойникомъ, на которомъ вы дрова возите.

— Ишь, что выдумалъ! есть когда толковать съ тобой, — у насъ въ пеклѣ огонь погаснетъ.

— Небось, поспѣете! возьмите на смѣну этихъ двухъ бояръ, — еще скорѣе доvezутъ.

Живо отпрягли черти стараго воеводу, а на его мѣсто двухъ бояръ заложили и повезли дрова въ пекло.

Говоритъ сирота отцу воеводы:

— Твой сынъ, а нашъ воевода, прислалъ меня къ твоей милости, чтобы я передалъ тебѣ поклонъ отъ него.

— За поклонъ спасибо! А скажи ты моему сыну: коли онъ будетъ не по правдѣ жить, то и съ нимъ то же будетъ! Самъ видишь, какъ меня черти замучили, до костей спину и бока простегали. Вотъ возьми это кольцо и отдай сыну для большаго увѣренія!

Только старый воевода покончилъ эти слова, какъ черти ужъ назадъ ѣдутъ:

— Но-но! эхъ, какая пара славная! дай намъ на ней еще разокъ прокатиться!

А бояре кричатъ сиротѣ:

— Смилуйся! не давай насъ. Возьми пока живы!

Черти отпрягли ихъ, и бояре возвратились съ сиротою на бѣлый свѣтъ.

VI.

Приходятъ къ воеводѣ; онъ глянулъ и ужаснулся: лица у бояръ осунулись, глаза выкатились, изъ спины, изъ боковъ желѣзные прутья торчатъ.

— Что съ вами сдѣлалось?

— Были мы на томъ свѣтѣ, — отвѣчаетъ сирота, — увидалъ я, что на моемъ покойномъ отцѣ черти дрова везутъ, остановилъ ихъ и далъ этихъ двухъ бояръ на

смѣну. Пока я съ покойнымъ говорилъ—черти на нихъ дрова возили.

— О чемъ же съ тобою отецъ мой говорилъ?

— Да велѣлъ сказать, коли ты будешь не по правдѣ жить, то и съ тобою то же будетъ. Вотъ и кольцо прислалъ для большаго увѣренія.

— Не то говоришь! Все это пустяки. Сумѣлъ на тотъ свѣтъ сходить, такъ сумѣй достать мнѣ гусли-самогуды, а не достанешь, то мой мечъ—твоя голова съ плечъ!

Идетъ сирота домой и горько-горько плачетъ.

— О чемъ, сердечный другъ, горько плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать: сколько ни служишь, а все голову снять хотятъ! Посылаетъ меня воевода за гусли-самогудами.

— Это не трудно: вѣдь мой братъ ихъ дѣлаетъ.

Дала жена ему клубочекъ, полотенце своей работы и наказала взять съ собою двухъ прежнихъ бояръ, воеводовыхъ совѣтниковъ.

— Теперь ты пойдешь долго-надолго! Какъ бы воевода мнѣ чего злого не сдѣлалъ. Пойди-ка ты въ садъ, да вырѣжь три прутика.

Вырѣзалъ сирота въ саду три прутика.

— Ну, теперь ударь этими прутиками и дворецъ и меня по три раза и ступай съ Богомъ!

Сиротинушка ударилъ—жена обратилась въ камень, а дворецъ въ каменную гору.

Взялъ онъ у воеводы двухъ прежнихъ бояръ и пошелъ въ путь-дорогу.

Куда клубочекъ катится, туда и они идутъ.

VII.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли—прикатился клубочекъ въ дремучій лѣсъ, прямо къ избушкѣ.

Входитъ сирота въ избушку, а тамъ старуха сидитъ.

— Здорово, бабушка!

— Здравствуй, добрый человѣкъ! Куда Богъ несетъ?

— Иду, бабушка, искать такого мастера, чтобы сдѣлалъ мнѣ гусли-самогуды: сами бы гусли играли, а подъ ихъ музыку всѣ бы волей-неволей плясали.

— Ахъ, да вѣдь такія гусли мой сынокъ дѣлаетъ! Подожди немножко—онъ скоро домой придетъ!

Немного погодя, приходитъ старухинъ сынъ.

— Господинъ мастеръ!—проситъ его сирота, сдѣлай мнѣ гусли-самогуды.

— У меня готовые есть. Пожалуй подарю тебѣ, только съ уговоромъ: какъ стану я гусли настраивать—чтобъ никто не спалъ! А если кто уснетъ, да по моему оклику не встанетъ, съ того голова долой!

— Хорошо, пусть будетъ по-твоему!

Взялся мастеръ за работу, началъ настраивать гусли-самогуды, а одинъ бояринъ заслушался и крѣпко заснулъ.

— Ты спишь?—окликаетъ его мастеръ.

Тотъ не встаетъ, не отвѣчаетъ. Покатилась его голова по полу. Минуты двѣ-три — и другой бояринъ заснулъ. Отлетѣла и его голова съ плечъ долой. Еще минута—и сирота задремалъ.

— Ты спишь?—окликнулъ мастеръ.

— Нѣтъ, не сплю! съ дороги глаза слипаются, нѣтъ ли воды? промыть надобно.

Старуха подала воды.

Сирота умылся, досталъ шитое полотенце, что жена дала, и сталъ утираться.

Старуха глянула на то полотенце, признала работу своей дочери, и говоритъ:

— Ахъ, зять мой любезный! не чаяла я съ тобой свидѣться. Здорова ли моя дочка?

Тутъ пошло у нихъ обниманье-цѣлованье: три дня гуляли, пили-ѣли, прохлаждалися, а тамъ наступило время и прощаться.

На прощаньи мастеръ подарилъ своему зятю гусли-самогуды.

VIII.

Взялъ сирота ихъ подъ мышку и пустился домой. Приходить въ свое государство.

«Что,—думаетъ,—мнѣ къ воеводѣ итти—еще успѣю! лучше я напередъ съ женою повидаясь!»

Ударилъ тремя прутиками въ каменную гору—разъ, другой, третій, и явились чудныя палаты; ударилъ по камню и, жена передъ нимъ.

Обнялись, поздоровались, двумя-тремя словами перемолвились; послѣ того взялъ сирота гусли и пошелъ къ воеводѣ.

Увидалъ его воевода и думаетъ:

— Эхъ, ничѣмъ его не уходишь—все исполняетъ!

Какъ закричить воевода, какъ напустится на сироту:

— Ахъ ты, такой-сякой! вмѣсто того, чтобъ ко мнѣ явиться, ты напередъ къ женѣ пошелъ.

— Виновать!

— Мнѣ изъ твоей вины не шубу шить! ужъ теперь ни за что не прощу... Подайте мнѣ мой булатный мечъ!

Видитъ сирота, что дѣло плохо, и крикнулъ:

— Эй, играйте, гусли-самогуды!

Гусли заиграли, пошелъ воевода плясать. Ужъ онъ плясалъ — плясалъ; потъ съ него градомъ льетъ, ноги устали, руки примахались, радъ бы остановиться, да не можетъ.

Плясалъ, плясалъ воевода, свалился,—изъ него и духъ вонъ!

Сдѣлался послѣ него сирота воеводой и правилъ страной долго и милостиво.

